

Макаренко Иван Михайлович,
Белорусский государственный университет культуры и искусств,
аспирант

**Проблема понимания литературного текста
в концепции художественной культуры Р. Барта**

Статья посвящена исследованию феномена литературы в контексте текстологической программы постмодернизма в авторском варианте Р. Барта. Феномен литературы интерпретируется как двухуровневая семиотическая система, что определяет постмодернистское понимание сущности автора, содержания его деятельности и роли литературного текста в культурном пространстве.

РЕПОЗИТОРИЙ БГУИМ

Для научного сообщества, вступающего в эпоху пост-постмодерна, чрезвычайно важен анализ интеллектуального наследия предыдущей эпохи — постмодерна, так как никакое движение в будущее невозможно без осмысления прошлого, в совокупности его достижений и ошибок, взлетов и падений, поражений и побед. Поэтому актуальным объектом исследования, фокусирующим на себе пристальное научное внимание современности, является культура постмодерна. Это комплексное явление изучается тщательно и всесторонне. Так, труды Дж. Варда, Ф. Джеймисона, А. Лабера, М. Фуко, Д. Харвея посвящены анализу сущностных характеристик культуры постмодерна. В работах В. Вельша, Ж.-Ф. Лиотара, М. Готдинера, К. Лемерта, И. Натоли рассматриваются особенности постмодернистской философии. Исследования К.-О. Апеля, Р. Барта, Ж. Делеза, Т. Д'ана, Ж. Дерриды, Ю. Кристевой, В. Лейча, Д. В. Фоккемы, Ж. Женетт, Ш. Гривеля, Дж. В. Харрари, И. Хасана, П. де Мана, Б. Моррисетта, М. Риффатера, Р. Сальдивара, С. Сулеймен посвящены проблемам специфики постмодернистских текстологии и философии языка. В работах Д. Лиона, М. Риффатера, Б. Смарта предметом рассмотрения является постмодернистский стиль мышления как таковой.

Следует отметить, что постмодернистская философия, являющаяся методологической базой культуры постмодерна, разнородна и представлена комплексом концепций, в числе которых постмодернистская текстология, номадология, генеалогия, шизоанализ, концепции языка, модели телесности, сознания и бессознательного. При этом одним из центральных в постмодернизме является текстологический проект, представленный в концепциях Ж. Делеза, Ж. Дерриды, Ю. Кристевой, а также Р. Барта, чья трактовка проблем понимания вербального языка и художественной литературы стала предметом исследования в данной статье.

Рассматривая литературу с точки зрения семиотики, Р. Барт определяет данный вид искусства как знаковую систему [4, с. 233]. В результате анализа работ мыслителя очевидно, что он дифференцирует уровни знаковости литературного искусства. Прежде всего, это знаковость *материальной основы* — вербального языка. Используя для выражения своей мысли метафору, Р. Барт отмечает, что «литература *проскальзывает* в систему (вербальный язык. — *И. М.*), ей не принадлежащую, хотя и действующую в тех же, что и она, целях, а именно

для коммуникации» [3, с. 281]. Использование вербальных знаков в практике повседневного взаимодействия оправдано и высокоэффективно, поскольку верной интерпретации речевых кодов служит ряд невербальных компонентов, сопровождающих высказывание, — ситуативный контекст, мимика говорящего, его жесты, интонация. В противоположность этому письменная речь литературного произведения, прошедшая двойную кодировку (означаемое явление — фонемы речи — текст), не способна к передаче целого ряда субъективных параметров пишущего, составляющих существенный процент транслируемой информации. Происходит неизбежная потеря ряда данных, присутствующих в авторском видении реалий, заложенных в литературное произведение. Указывая на это, Р. Барт заявляет, что творение литературы «не окружено, не обозначено, не предохранено, не ориентировано какой бы то ни было ситуацией; здесь отсутствует жизнь конкретного индивида, которая могла бы подсказать, каким именно смыслом следует наделить произведение» [2, с. 353]. А следствием подобной «непредохраненности», «необозначенности» является открытость литературного произведения для различных прочтений.

Кроме того, вербальные знаки, помимо своего денотативного значения, постепенно накапливают в себе коннотативные смыслы, характерные для эпохи и социума, в которых они употребляются. Новая эпоха переписывает заново каждое литературное произведение — в душах и умах людей, ее творящих. Очевидно, например, что русский язык в течение XX в. претерпел значительные семантические трансформации, ввиду чего вероятность адекватного понимания текстов, написанных в начале прошлого столетия, существенно снижается. Поэтому особое значение при разрешении литературных проблем Р. Барт придает духовному контексту эпохи. В нем, по его мнению, может обрести разгадку «самая мелкая, самая малозначительная литературная проблема» [1, с. 264].

Подобная интерпретация вербального языка и литературы неизбежно меняет отношение к литературному творчеству. Очевидно, что автор не властен в полной мере посредством вербально-знаковой системы выразить экзистенциально-интеллектуальный поток, наполняющий его в момент творческого вдохновения. Безусловно, нет. В его компетенции лишь очертить некий контур, обозначить пределы, задать параметры, в рамках которых будет осуществляться акт

смыслотворчества. При этом характер последнего напрямую детерминирован личностно-субъективными особенностями читающего.

Наряду с вербальным языком семиотической природой обладают и **художественные образы** литературного произведения. Они многозначны, непостижимы, и, в известной степени, безграничны. «Символический язык, на котором пишутся литературные произведения, *по самой своей структуре* является языком множественным, т. е. языком, код которого построен таким образом, что любая порождаемая им речь (произведение) обладает множеством смыслов» — отмечает Р. Барт [2, с. 353]. Художественный образ не подлежит однозначному прочтению и тем самым открывает путь для вариативности своего истолкования. И при том, что язык литературного произведения не противоречит естественному языку, каждый знак которого подлежит буквальному филологическому прочтению, литературные образы, создаваемые на основе этого языка, исполнены неопределенности и не могут читаться по некоей заданной схеме. Ввиду этого Р. Барт поднимает вопрос, насколько правомерно прочитывать в «дословно понятном тексте иные смыслы, которые не противоречили бы его буквальному значению». По его мнению, ответ может быть получен «лишь путем выработки общей точки зрения относительно символической природы языка» [2, с. 327].

Поэтому писатель не в состоянии сделать свое произведение «носителем свободно предлагаемого смысла». Автор никогда не может быть уверен в том, что будет понят своими читателями, ибо его «письмо есть всего лишь *предложение*, отклик на которое никогда не известен» [3, с. 296]. Исходя из этого, Р. Барт определяет процесс письма не как вступление «в легкий контакт с неким гипотетическим *средним* читателем», а как «трудный контакт с нашим собственным языком» [2, с. 339]. Писатель, в понимании мыслителя, — «это человек, которому язык является как проблема и который ощущает глубину языка, а вовсе не его инструментальность или красоту» [2, с. 347]. Ему открыто смысловое пространство языка, таинство вариативного смыслопорождения, законы логики построения символов. По Р. Барту, «голос музы нашептывает писателю не образы, не идеи и не стихотворные строки, а великую логику символов, необъятные полые формы, позволяющие ему говорить и действовать» [2, с. 357].

Таким образом, Р. Барт указывает на то, что литература в целях построения образно-художественной системы использует вербальный язык, применяемый для коммуникации в практике повседневной жизни. Этот язык неоднозначен, так как для верной интерпретации речевых кодов необходимо наличие ситуативного контекста и ряда невербальных компонентов, воспринимаемых зрением и слухом. Поэтому литературное произведение открыто для различных прочтений и не может быть понято однозначно. Презентируемые литературой художественные образы носят символический характер и потому также не подлежат одностороннему истолкованию. Ввиду этого возможность адекватного понимания литературного текста маловероятна. Писатель не передает смысл, не вступает в коммуникацию с читателем, а ограничен «трудным контактом с языком». В компетенции автора лишь создание символической реальности — «великой логики символов, необъятных полых форм», — т. е. мира означающих, связь которых с означаемыми явлениями, т. е. понимание, определяется субъективными особенностями читающего.

Литература

1. *Барт, Р.* Две критики / Р. Барт // Избранные работы. Семиотика. Поэтика. — М.: Прогресс, 1989. — С. 262-268.
2. *Барт, Р.* Критика и истина / Р. Барт // Избранные работы. Семиотика. Поэтика. — М.: Прогресс, 1989. — С. 31-374.
3. *Барт, Р.* Литература и значение / Р. Барт // Избранные работы. Семиотика. Поэтика. — М.: Прогресс, 1989. — С. 276-296.
4. *Барт, Р.* Литература сегодня / Р. Барт // Избранные работы. Семиотика. Поэтика. — М.: Прогресс, 1989. — С. 233-245.
5. *Барт, Р.* От науки к литературе / Р. Барт // Избранные работы. Семиотика. Поэтика. — М.: Прогресс, 1989. — С. 375-383.

Summary

The article deals with the phenomenon of literature in the context of the postmodern text theory (the author's version by R. Barthes). The phenomenon of literature is interpreted as a two-level sign system. This determines the postmodern understanding of the essence of the author, the understanding of the content of his work and the role of the literary text in the cultural space.